

ЕЛЕНА ШЕСТОПАЛ

Взаимоотношения граждан и власти в ходе демократического транзита в России Теоретические проблемы

Отношения между народом и властью ни в одной стране не складываются однозначно и просто. Но в России, очевидно, в силу специфики ее политической культуры, отношения граждан и власти, структура и качество самой власти являются не просто одним из центральных вопросов политического развития, но и чрезвычайно драматичны, независимо от того, какова действующая в каждый данный момент политическая система или режим.

В последние годы, как и ранее в периоды кризисов, жизнь вынесла вопрос о власти на повестку дня не только в смысле того, кто эту власть возьмет, но и с точки зрения того, как эта власть выглядит в глазах граждан. С одной стороны, граждане, привыкшие к патерналистским моделям взаимоотношения с властями, ожидают от них инициативы и возлагают на них всю полноту ответственности за происходящее в стране. С другой стороны, по мере продвижения демократической трансформации, власть все больше вынуждена заботиться о своем имидже, понимая, что на выборах ей придется расплачиваться не только за то, что удалось или не удалось сделать для населения, но и за то, в какой мере ей доверяет и симпатизирует обычный гражданин, ставший избирателем. Пожалуй, главное отличие нынешней ситуации состоит в том, что власть сегодня не может рассчитывать исключительно на силовые приемы. Сегодня, чтобы удержаться, ей необходимо понравиться народу. С появлением новых коммуникационных технологий, появились и новые требования к власти, и новые технологии завоевания власти. И все они основаны на политико-психологических закономерностях восприятия власти гражданами.

Политологи активно дискутируют о том, в какой мере импорт западных моделей демократии удастся реформаторам российской власти. Причем вопрос этот обсуждается не только в контексте классических теорий демократии и демократического транзита¹, но и с учетом глобализации и новых ком-

¹ Обсуждение процессов демократизации в России ведется с привлечением концепций Р. Патнэма, Р. Даля, Даймонда, Ф. Шмиттера, Х. Линца и других признанных теоретиков демократии.

муникативных технологий.² Очевидно, просто перенос на российскую почву формальных демократических институтов, даже если он произведен вполне корректно, еще не означает автоматического достижения того же качества демократии, что и в странах, где она имеет устойчивый или консолидированный характер. После известных работ Р. Патнэма³, политологи стали придавать особое значение неформальным, культурным и психологическим условиям, в которых происходит становление демократии.

Начнем с того, в чем разные ученые сходятся между собой. Это в первую очередь теоретический постулат, согласно которому эффективность демократической трансформации «зависит, прежде всего, от конгруэнтности формальных и неформальных институтов и траектории их развития после осуществления импорта»⁴. Думается, что ключевым в этом постулате является признание того, что для консолидации демократии недостаточно лишь построения системы институтов (формальный элемент системы). Власти необходимо добиться укоренения демократических ценностей в сознании и поведении большинства граждан (в том, что в процитированной статье автор называет неформальными институтами). Проблема конгруэнтности формальных и неформальных элементов системы признается всеми политологами как важнейший фактор устойчивости демократии.

Вторым моментом, который также объединяет всех исследователей современной политической ситуации в России, — это согласие в том, что такой конгруэнтности в настоящий момент мы пока не достигли.

Расхождения по вопросу о возможности становления консолидированной демократии в России касаются как полученных эмпирических данных, так и особенно их интерпретации. Так, прежде всего это вопрос о том, в какой мере ценности демократии укоренились в сознании и поведении рядовых граждан. Долгое время в литературе господствовало представление о доминировании в российской политической культуре традиционных элементов, между тем, как консолидированные демократии базируются на новой политической культуре⁵ с доминированием модернистских ценностей⁶

² См. А. И. Соловьев. Коммуникация и культура: противоречия поля политики // Полис 2002, № 6.

³ См. Putnam R. D. Making Democracy Work. Princeton, 1993.

⁴ Панов П. В. Трансформация политических институтов в России: кросстемпоральный сравнительный анализ // Полис. 2002. № 6, с. 68

⁵ О новой политической культуре впервые начал писать Р. Ингхарт еще в 70-е годы. В 90-е им было организовано всемирное исследование ценностей. См: Clarc T. N., Inglehart R. The New Political Culture in: Clarc T. N., Hoffman-Martinot V.(eds)/ The new political culture, Oxford, 1998. Ключевые отличия новой культуры от традиционной авторы видят в следующем:

1. Трансформация традиционного политического спектра с его разделением на левых и правых.
2. Четкое отделение социальных вопросов от финансово-экономических.
3. Увеличение значимости социальных вопросов.
4. Усиление индивидуализма в рыночных и общественных отношениях.
5. Сомнения по поводу социального государства, выражающиеся в настороженности к централизованным бюрократическим структурам национального государства.
6. Развитие политики, нацеленной на решение конкретных проблем, расширение участия граждан в управлении, ослабление иерархических политических организаций.
7. Укорененность прежде всего в наиболее развитых обществах и среди молодых, образованных и обеспеченных людей.

⁶ См. Кутковец Т., Клямкин И. Новые люди в старой клетке. Ремонту не подлежит // Новые Известия. 2002, 24—25.09.

Не пытаясь дать теоретический ответ на все поставленные выше вопросы, попробуем остановиться на одном лишь аспекте демократической трансформации – на **проблеме взаимоотношения граждан и власти**. Более точно эту проблему можно сформулировать следующим образом: как сказывается процесс демократизации на микро-политическом уровне, то есть на уровне личности, как он изменяет отношение личности к власти? В ходе нашего исследования, проведенного в 1993–2003 гг., мы предположили, что установка граждан в отношении властей может быть хорошим индикатором того, насколько демократические ценности, новая политическая культура укоренилась не только в формальных политических институтах, но и на глубинном уровне психологии. Более того, как показал опыт последних полутора десятков лет в России, как и в ряде других постсоветских стран, быстрые институциональные изменения не сопровождались столь же радикальными изменениями общественного климата. Чтобы понять подлинный, а не декларативный характер происходящих в политике изменений, необходимо серьезно исследовать «другое лицо» демократии (термин Г. Майера).⁷

В своей исследовательской стратегии мы исходили из того, что для консолидации демократии необходимы такие изменения в массовом, а затем и в индивидуальном сознании российских граждан, которые бы привели к доминированию психологического типа, противоположного авторитарному. Ряд авторов для его описания вводит термин «демократической личности»⁸.

Из классических работ по авторитаризму, в частности из трудов Э. Фромма, А. Маслоу, Р. Кристи и других известно, что авторитарность – это особый синдром или связка качеств, которые возникают в личности в ходе ее социализации, преимущественно первичной⁹.

Эти личностные качества проявляются в форме *когнитивных* особенностей, в частности – в форме догматизма, стереотипности мышления, нетерпимости к инакомыслию, ригидности; в *потребностно-эмоциональных характеристиках личности*: в авторитарном подчинении (потребности в подчинении властям), в авторитарной агрессии, направленной против тех, кто нарушает общепринятые нормы; *на уровне системы ценностей* в виде конвенционализма или высокой степени приверженности общераспространенным нормам и ценностям, которые воспринимаются как одобренные властью и обществом.¹⁰

Современные исследователи психологии авторитарности пришли к выводу не только о том, что авторитарность отражается на всех уровнях проявления личности, что она представляет собой своего рода линзу, сквозь которую личность воспринимает власть и политиков¹¹. При этом образы

⁷ Meyer G. «Two faces of democracy at work: formal and informal patterns of micro-politics in Central and Eastern Europe». Unpublished paper, Tuebingen, 2002.

⁸ См. работы П. Снайдермана, С. Реншона.

⁹ На эту тему написана и защищена диссертационная работа нашей аспирантки Л. Пресняковой.

¹⁰ См. Автореферат Дьконовой Н. А. Особенности авторитаризма и его взаимосвязь с ценностными ориентациями и локусом контроля у российских и американских студентов. М., 2001.

¹¹ См. автореферат диссертации Л. А. Пресняковой. Влияние авторитарного синдрома на индивидуальное восприятие политической власти в России (1990-е годы), М., МГУ, кафедра политической психологии философского факультета. 2001.

власти таких индивидов рассогласованы и противоречивы, носят патерналистский характер.

Для авторитарного характера типично особое отношение к власти и силе. Можно, наверное, даже сказать, что авторитарный человек – это человек, заикленный на отношениях власти и подчинения. Понятно, что распространенность авторитарного типа личности, будет тормозить процесс демократизации. В то же время условия социализации, в том числе и первичной в пост-советской России уже не сопоставимы с временами брежневского застоя или хрущевской оттепели. И можно предположить, что по крайней мере молодые поколения российских граждан имеют достаточно благоприятные стартовые условия для усвоения демократических ценностей, как базовых, в ходе социализации. В отношении старших поколений тоже действовали новые факторы, приведшие к масштабной политической ресоциализации населения в целом. В нашем исследовании мы ставили задачу проверить, как эти изменившиеся условия повлияли на установки населения к власти, на изменения в структуре их политических ценностей и в частности, на изменения их восприятия демократии.

Первая гипотеза состояла в том, что установки на власть в массовом сознании в ходе трансформации системы претерпевают определенные изменения, и в этих изменениях меняется как *содержание* образов, оценка носителей власти, так и сама *оптика*, определяющая характер восприятия.

Второй гипотезой, которую мы проверяли в ходе исследования, было предположение, что сами образы власти складываются не только под влиянием контекста политических событий, но и под воздействием традиций национальной политической культуры, тех архетипов, которые длительное время существуют в массовом сознании. Образы в психике человека формируются не только под влиянием личностного опыта, но и под воздействием существующих в массовом сознании (в данном случае в национальной политической культуре) *эталонных представлений*¹². При оценке реальных представителей власти происходит сопоставление их с эталонными образами, которые обладают высокой степенью согласованности и цельности у разных людей. Нас также будет интересовать, как меняются оценки власти предшествующих периодов (власти советской, власти эпохи Ельцина) в сравнении с оценками существующей власти – власти периода Путина.

Анализ структуры образов содержит в себе и собственно психологические измерения. Так, нам предстоит исследовать, каковы эмоциональные составляющие этих образов. Сюда входит прежде всего знак отношения к власти в массовом и индивидуальном сознании (отношения к идеальной власти и власти реальной, к власти нынешней и к власти недавнего прошлого, отношения с «+» или с «-»).

Второй важной составляющей является когнитивный срез образов власти, который мы операционализировали через такие индикаторы, как:

¹² Д. А. Леонтьев. Эталонный образ в контексте психосемантического брэндинга. // Реклама и жизнь, 2000, № 1.

- *интерес к теме власти,*
- *самостоятельность или стереотипность¹³ суждений о власти,*
- *уровень их когнитивной сложности/простоты,*
- *степень ясности/размытости образов,*
- *субъектность власти.*

Третья гипотеза предполагала, что поддержка власти со стороны граждан соотносится с указанными характеристиками тех образов власти, которые есть в сознании граждан. Не менее важно определить *субъектность* этих образов. Наши данные показывают, что нередко власть воспринимается гражданами как безличная сила, не имеющая «лица». За этим стоит определенный комплекс отчужденности власти от граждан, когда власть не просто «далека от народа», но вообще не понятно, где она сосредоточена. Власть выступает в их сознании как некий неодушевленный объект, вызывающий тревогу, страх, другие негативные эмоции. Нам представляется важным выяснить, **кого или что подразумевают граждане, когда они говорят о власти.**

И, наконец, **поведенческий** аспект образов власти проявляется не просто в оценках режима или системы, но в готовности делом поддерживать эту власть, участвовать в управлении государством, принимать участие в различных формах политической деятельности.

Не обращаясь в данной статье к анализу полученных нами эмпирических данных, остановимся только на некоторых результатах теоретического исследования.

Отметим, что за десятилетие пост-советской политической истории произошли существенные изменения не только в институциональном дизайне российской демократии, но и в самом качестве демократии. Начало 90-х годов характеризовалось поверхностным усвоением демократической риторики со стороны политических элит и растерянностью массового сознания, которое отличала противоречивое сочетание демократических и авторитарных характеристик. Хотелось бы подчеркнуть нелинейный характер происходящих в массовом и индивидуальном сознании перемен. Полученные нами за десятилетие исследования (1993–2003 г.г.) данные, не показывают ни ярко выраженного прогресса в качестве демократии, ни, тем более не свидетельствуют о регрессивном развитии, способном привести страну назад к авторитарному режиму. Скорее можно говорить о выборочном усвоении демократических ценностей. При этом более укорененными оказались те ценности и установки, которые были более органичными национальной культуре. Одновременно, хотелось бы отметить, что это происходило далеко не всегда благодаря действиям политиков-реформаторов, а нередко и вопреки их усилиям. Так, начало-середина 90-х ознаменовали всплеск массовой демократической активности. Но как показали не только наши данные, но и опросы других российских научных центров, те, кто под-

¹³ См. схему Б. Грушина в его книге «Четыре жизни России». Очерки массового сознания россиян времён Хрущёва, Брежнева, Горбачёва и Ельцина в 4-х книгах: Жизнь 1-я: Эпоха Хрущёва. М.: Прогресс-Традиция, 2001. Т. 1.

держал Ельцина на первых и вторых Президентских выборах, далеко не всегда делали это в силу демократических убеждений. Точно также электорат Президента Путина — это далеко не всегда сторонники либеральных идей, но как ни странно, именно поддержка этих не всегда демократических сторонников приводит к укреплению демократических институтов. Таким образом, мы видим, что в российской политике действуют закономерности, которые парадоксальным образом приводят к становлению демократических ценностей и институтов через традиционные (нередко авторитарные) психологические механизмы.

В процессе демократического транзита в последнее десятилетие, можно выделить несколько отчетливых этапов изменения качества демократии, о котором мы можем судить по смене установок на власть.

Первый этап 1991—1993, который находится за рамками данного исследования характеризовался повышенной гражданской активностью и усвоением новых политических ценностей вначале на уровне риторики. Начиная с 1993 до 1995—1996 годов эти ценности оказались усвоенными (причем, как правило, на вербальном уровне или на уровне узнавания, как говорят психологи) прежде всего молодыми людьми до 25 лет. Для большинства из них этот процесс совпал с окончанием их первичной политической социализации. Большинство же людей зрелого возраста мучительно и сложно проходили ресоциализацию. Они усвоили демократические нормы ровно в той степени, в какой они следовали за властью в соответствии с закономерностями, описанными классиками психоанализа как «авторитарное подчинение» именно люди старших возрастных когорт в массе своей поддержали демократических лидеров перестройки и пост-перестроечного периода. Они привели к власти демократов первой волны и до сих пор их немало среди тех, кто является электоратом действующей власти и «партий власти».

Второй этап — 1996—1999. Пожалуй, наиболее важными событиями этого этапа были президентские выборы 1996 года и кризис 1998 года. Президентские выборы показали, что граждане не пошли на провокацию со стороны части президентского окружения, предлагавшего отменить выборы. Наши данные показывают, что граждане к этому времени настолько прочно (и не только на вербальном, но и на поведенческом уровне) усвоили демократические процедуры, что при всей критичности в отношении власти, они не представляли себе свою жизнь вне этих норм. Об этом свидетельствуют и наши данные о готовности граждан к разным формам политической активности. Правда и здесь не приходится говорить о том, что данное завоевание демократии далось легко и просто. Ценой за усвоенный урок стало снижение политической активности, рост политической апатии. Особенно явно эти явления оказались связанными именно с выборами 1996 года, когда властями начали широко использоваться «грязные» предвыборные технологии, что привело к разочарованию людей в политике и политиках и росту политического отчуждения. Максимальных значений это отчуждение граждан от власти достигло в последний период Президентства Ельцина.

Третий этап отчетливо наметился к концу 1999 — началу 2000 г. Он напрямую не был связан с появлением в большой политике будущего Президента Путина. Скорее Путин стал ответом на те ожидания, которые к этому време-

ни сложились в массовом сознании. Если говорить об установках на власть, то к этому времени население окончательно разуверилось в прежнем Президенте, который персонифицировал для него власть в целом. К этому времени вполне оформился запрос на политика нового типа, который бы был ничем не похож на Ельцина: он должен был быть молод и здоров, более интеллигентен, менее спонтанен и так далее. В наших исследованиях мы зафиксировали и такое изменение установок, которое связано было с усвоением либеральных моделей в политике и экономике. Прежние ценности равенства уступили место запросу на права человека и свободную конкуренцию. Во всяком случае, именно эта тенденция стала доминировать в массовом сознании с конца 90-х. Можно говорить о том, что ценности демократии начали вытеснять в психологии рядового гражданина (не только молодого поколения, хотя у молодежи в первую очередь) прежние социалистические ценности и авторитарные модели поведения. Не обошлось и здесь без казусов. Так, оказалось, что среди тех, кто ближе всего подходит под определение «демократической личности» мы встречаем немало представителей старшего поколения, которые пришли к демократическим стандартам либо в силу своей доверчивости и податливости пропаганде (в данном случае уже либеральной), либо в силу привитых им в советские времена таким по сути своей демократическим ценностям, как активизм, легализм, ответственность.

К настоящему времени, сделав не один поворот, массовое сознание россиян в целом впитало основные демократические ценности, хотя их усвоение было не всегда равномерным: одни ценности оказались лучше приспособлены к национальной политической культуре (например, свобода и законопослушание), тогда как вес других (ответственности, активизма, индивидуальной автономии) за последние годы серьезно снизился и не соответствует демократическим стандартам высокого качества. Более того, то, что массовое сознание ассоциирует демократию с законом, не мешает гражданам оценивать роль судебной власти как весьма незначительную и обходить закон при первой же возможности. Но здесь куда большую вину должна нести политическая элита, а не рядовые граждане. Если же говорить об образе власти, то в сознании граждан этот образ напоминает дерево с кривыми ветвями, где исполнительная власть и является собой по сути основной ствол, а законодательная и судебная ветви слабы и искривлены. Образ явно не гармоничен.

Одним из выводов из полученных нами данных является явно возросшая за последние годы политическая зрелость граждан, их способность точно оценивать происходящие в политике процессы. Возможно снижение их активизма тоже является реалистической реакцией на действия власти, которая осознанно или нет, но выводит граждан за пределы политики, иммобилизуя их. Примечательно и то, что весьма критичная оценка современного состояния власти, включая и оценку нынешнего Президентства как института (при высоких личных рейтингах В. В. Путина) также можно расценивать как проявление гражданской зрелости населения и усвоения им демократических ценностей. Об этом свидетельствуют не только содержательные оценки власти, но и *когнитивные* характеристики образов власти (власти реальной и идеальной, власти прошлого и настоящего, власти центральной и региональной). Прежде всего, бросается в глаза *когнитивная бедность*

образов как власти прежних времен, что понятно, — успели позабыть, так и нынешней власти. Другой когнитивной характеристикой образов власти является их *нечеткость, размытость*. Образы власти у большинства наших респондентов лишены *субъектности*: не ясно, чья это власть, власть кого? Представления о власти носят довольно абстрактный характер особенно в том смысле, что под властью понимают не конкретных лидеров, а абстрактную систему, режим. Заметим, что повод к такому видению власти дает сама власть, ее возросшая непрозрачность, теневой характер, отсутствие эффективной коммуникации с населением, тем, что публичные политики оказались отодвинутыми олигархами и силовыми структурами.

Указанные тенденции представляются достаточно противоречивыми с точки зрения отношения граждан к власти в целом. Не случайно граждане испытывают по отношению к власти не самые теплые чувства. Они подозревают, что те, кто стремится к власти не столько хотят принести пользу обществу, сколько улучшить собственное материальное положение. Наверное поэтому они все менее терпимы к различным властным «аномалиям» и все больше хотят «нормальной» и «вменяемой» власти. Суждено ли сбыться этим надеждам, или они угаснут, не получив от власти подкрепления, зависит уже не столько от образов власти и установок граждан на власть, сколько от самой власти. С народом же и его картиной мира, судя по нашим данным — все в порядке. Образы власти в массовом сознании — вполне адекватны той ситуации, которая сложилась в самой власти.